
Магриб
у океана
История любви
на расстоянии
трех шагов

Мэйнилин

Магриб у океана

«Автор»
2026

Мэйнилин

Магриб у океана / Мэйнилин — «Автор», 2026

— Ты опять сказала «I am student», — Дени откидывается на спинку стула, даже не пытаясь спрятать ухмылку. — A student. Запомнишь?— Запомню, — не поднимая глаз от конспекта, отвечает Ранья, — как только ты вспомнишь хотя бы одно слово на родном языке.Он вырос в Америке и почти забыл свои корни. Она приехала из Чечни в Сан-Диего всего на один учебный год и меньше всего ожидала, что самым трудным здесь окажется не учеба, а самоуверенный земляк, который не упускает ни одного случая ее подразнить.Чистая история любви о вере, традициях и гордости — и о том, что родина не покидает сердце, где бы ты ни оказался.

© Мэйнилин, 2026
© Автор, 2026

Мэйнилин
Магриб у океана

Глава 1. Добро пожаловать в Сан-Диего

Эта история происходит в американском городе у океана, где моим героям приходится жить сразу на нескольких языках. Дома они говорят по-чеченски, в университете — по-английски, а иногда в разговорах звучит и арабский.

Чтобы вам было легко читать, почти все диалоги в книге переданы на русском. Иностранные фразы я оставила только там, где без них не обойтись: когда кто-то шутит, поправляет или переходит с одного языка на другой. Рядом с каждой такой фразой в скобках есть перевод.

Ранья хорошо знает английский, но, как и многие, кто учил язык не среди носителей, иногда ошибается, особенно с артиклями a и the. Эти ошибки оставлены специально.

Эта книга о том, как много значит для чеченцев родная кровь. Можно вырасти в другой стране, говорить на чужом языке и жить по чужим правилам, но корни рано или поздно все равно дадут о себе знать. Вера и обычаи иногда кажутся со стороны слишком строгими, но именно они берегут честь и помогают не потерять себя, где бы ты ни оказался.

Но прежде всего это история любви, которая начинается с колких шуточек, а потом растет через споры, ревность и маленькие жесты, пока не превращается в чувства, которые невозможно спрятать, как бы герои ни старались.

Все герои и события этой книги вымышлены, как и университет Вестбрук, в котором они учатся. Обычаи и традиции показаны такими, какими их знаю я, но семьи бывают разные, и в каждом доме свои правила.

Я очень люблю эту историю и ее героев, и мне хочется верить, что каждый из вас тоже найдет в ней что-то свое.

Глава 1

Добро пожаловать в Сан-Диего

Рожденный на земле Кавказа навсегда сохранит в себе эту кровь, и в какой бы конец света он ни отправился, родина никогда не покинет его сердце.

Самолет заходит на посадку так низко, что, кажется, вот-вот заденет крыши. Под крылом проплывают стеклянные башни даунтауна, заходящее солнце красит их окна в медь, а за ними тянется океан, огромный и бесконечный, весь в золотых бликах. Ни одной горы, только вода до самого края неба.

Ранья сидит у иллюминатора и не может отвести взгляд. Океан она видит вживую впервые в жизни, и от этого перехватывает дыхание. Еще год назад она и представить не могла бы, что когда-нибудь окажется за пределами Чечни, а тем более так далеко от дома.

Позади почти сутки в дороге, и теперь она на другом конце земли. Когда Ранья подавала заявку на программу обмена, она даже не надеялась, что получит грант и сможет целый год учиться в американском университете. Документы подавали несколько человек, но выбрали именно ее, и счастью не было предела.

Вот только родные поначалу были против. Отпустить ее на другой конец света, да еще на целый год, казалось им слишком рискованным.

Переубедить их смог только дядя Хасан, старший брат ее отца, который с самого начала был на ее стороне. Он уже много лет живет в Америке вместе с семьей, и как только родные поняли, что Ранья будет жить у него и все время будет под его присмотром, возражать никто не стал. К тому же дядя — профессор в том самом университете, где ей предстоит учиться этот год. Для Раньи это третий курс, а после него она вернется в Чечню, чтобы закончить последний, четвертый.

— Пальмы! Ранья, это настоящие пальмы, видишь?! — Мансур, ее девятилетний двоюродный брат, перегибается через нее и почти прилипает лбом к стеклу.

— Мансур, сядь нормально, — шипит Хава, жена дяди Хасана. — И пристегни ремень. Сто раз это видел, а ведешь себя так, будто впервые.

— Я же Ранье показываю! Она-то не видела. Ранья, смотри туда!

Седа, ее четырнадцатилетняя двоюродная сестра, лениво снимает наушники и без особого интереса косится в окно. Пальмами ее не удивишь.

Шасси глухо ударяются о полосу, самолет вздрагивает всем корпусом и начинает тормозить, а когда он наконец останавливается, по салону разносятся щелчки ремней.

— Алхьамдулиллах, — тихо выдыхает Хава и проводит ладонями по лицу, а потом поворачивается к Ранье и внимательно смотрит на нее, проверяя, не слишком ли та волнуется. — Ранья, мы втроем пойдем в очередь для граждан, а тебе нужно будет встать в другую, для иностранцев. Не бойся, там ничего страшного и сложного, просто проверят документы, сфотографируют, снимут отпечатки пальцев, и все. Мы будем ждать тебя сразу за контролем.

Зал паспортного контроля встречает их прохладой кондиционеров и гулким эхом голосов. Над головой висит огромный звездно-полосатый флаг, а рядом с ним крупная надпись: *Welcome to the United States*.

Дальше поток пассажиров делится надвое. Хава, Седа и Мансур уходят к табличке *U.S. Citizens*, и Мансур на прощание машет ей рукой, а Ранья остается в длинной очереди под табличкой *Visitors*. Вокруг звучит незнакомая речь, мелькают чужие лица, и она вдруг понимает, что впервые в жизни рядом нет никого из своих. Какая-то женщина впереди оборачивается и разглядывает ее хиджаб, и Ранья, сама того не замечая, расправляет плечи, а потом поправляет платок у виска, проверяя, ровно ли лежат складки, будто это может вернуть ей хоть немного уверенности.

Очередь двигается медленно, и она успевает несколько раз проверить, на месте ли документы, прежде чем офицер в темно-синей форме, грузный мужчина с седыми усами, поднимает на нее глаза и коротким жестом подзывает к себе.

— Good evening. Passport and DS-2019, please. *(Добрый вечер. Паспорт и форму DS-2019, пожалуйста.)*

Она протягивает ему паспорт с аккуратно сложенной формой. Офицер неторопливо листает страницы, находит ее визу и задерживает на ней взгляд. Потом разворачивает форму, что-то сверяет и, подняв на нее глаза, сравнивает ее лицо с фотографией в паспорте.

— Westbrook University, huh? What are you going to study? *(Вестбрукский университет, значит? Что вы будете изучать?)*

Ранья сжимает в пальцах ремешок сумки, и английский, который она так хорошо знала, от волнения разом вылетает из головы. Одно дело сдать экзамены у себя в городе, и совсем другое — стоять перед настоящим американцем, который смотрит на тебя и ждет ответа.

Она медленно выдыхает, заставляет себя успокоиться, и нужные слова понемногу возвращаются.

— Management, — наконец говорит она и, чуть помедлив, добавляет: — I am exchange student. For one year. *(Менеджмент. Я студентка по обмену. На один год.)*

Уже договорив, она понимает, что снова потеряла артикль. Эти маленькие *a* и *the*, которых нет ни в чеченском, ни в русском, всегда ускользали от нее именно тогда, когда она волновалась, и Ранья мысленно ругает себя, но офицер, кажется, ничего не замечает.

— Where are you staying? *(Где вы будете жить?)*

— With my uncle. He is professor at Westbrook. *(У дяди. Он профессор в Вестбруке.)*

Седые усы чуть приподнимаются в улыбке.

— Professor, huh. Then you better get good grades. *(Профессор, значит. Тогда вам лучше хорошо учиться.)*

Ранья с трудом сдерживает улыбку, думая о том, что дядя, наверное, будет часто ей это говорить.

Офицер кивает на маленький стеклянный сканер у края стойки.

— Four fingers of your right hand here, please. *(Четыре пальца правой руки сюда, пожалуйста.)*

Ранья прикладывает пальцы к холодному стеклу, потом левую руку, потом большие пальцы, послушно повторяя все, что он показывает. Потом офицер поворачивает к ней маленькую камеру и просит посмотреть прямо в объектив, и через секунду все заканчивается. Он ставит штамп в паспорт, вкладывает в него форму и протягивает документы обратно.

— Welcome to San Diego, Miss. Good luck with your studies. *(Добро пожаловать в Сан-Диего, мисс. Удачи в учебе.)*

— Thank you, — тихо отвечает Ранья и, прижимая паспорт к груди, проходит дальше, чувствуя, как с каждым шагом отпускает напряжение, которое держало ее с той самой минуты, как самолет коснулся земли.

Сразу за паспортным контролем начинается зал выдачи багажа, и не успевает Ранья оглядеться, как слышит знакомый голос.

— Ранья! Сюда!

Мансур прыгает на месте у одной из лент и машет обеими руками. Рядом с ним облегченно улыбается Хава, а Седа сидит на тележке с их сумками и лениво листает что-то в телефоне. Чемодан Раньи уже стоит рядом с ними: Мансур первым заметил его на ленте и так громко закричал, что Хаве пришлось поскорее его снять.

Они вместе проходят таможню, и стеклянные двери выпускают их в зал прилета, где пахнет кофе и чем-то сладким из киоска с выпечкой. Вокруг люди обнимаются, кричат и смеются

на десятке языков, кто-то держит воздушные шары, кто-то цветы, кто-то таблички с именами, и Седа, тут же оживившись, начинает снимать все это на видео.

— Дада! — вдруг кричит Мансур и, бросив тележку, со всех ног бежит куда-то в сторону.

Чуть поодаль стоит высокий мужчина лет пятидесяти пяти в светлой рубашке, с аккуратной седой бородой. Он треплет сына по голове и что-то говорит ему с улыбкой, а потом поднимает глаза на остальных. Седа подходит к отцу, и он обнимает ее за плечи, Хаве коротко и тепло кивает, спрашивая, как они долетели, и только после этого его взгляд останавливается на Ранье. Она сразу узнает дядю. Они не виделись вживую почти восемь лет, только на экране телефона. Он постарел: борода стала белой, у глаз прибавилось морщин, но когда он наконец улыбается, у Раньи перехватывает горло.

Она подходит ближе, здоровается с ним и, забыв про чемодан и усталость, обнимает его. Дядя прижимает ее к себе крепко, по-отцовски, и на секунду кладет ладонь ей на голову, прямо на платок.

— Марша йогIийла, Ранья, *(Добро пожаловать, Ранья,)* — негромко говорит он. — Как ты выросла.

Он отстраняется, держит ее за плечо и долго смотрит ей в лицо, будто ищет в нем кого-то еще.

— Вылитый Аслан, — тихо добавляет он. — Ну, как ты? Как здоровье твоей матери?

— Алхьамдулиллах, все хорошо, — отвечает Ранья, стараясь, чтобы голос не дрожал. — А ты как, дядя?

— Алхьамдулиллах, — с улыбкой кивает он. — Как видишь, еще на ногах.

Он берет ее чемодан и, не дожидаясь возражений, направляется к выходу, а спорить с ним никто и не пытается.

Стоит им выйти на улицу, как Ранью окутывает теплый, влажный и солоноватый воздух, совсем не такой, как дома в горах. Она невольно делает глубокий вдох и только сейчас по-настоящему понимает, что где-то совсем рядом океан, тот самый, который она видела из иллюминатора. Усталость после долгой дороги никуда не делась, но сквозь нее вдруг пробивается тихая, почти детская радость, и она ловит себя на том, что улыбается.

Машина у дяди большая, серебристая «Тойота». В салоне пахнет кожей, а на зеркале рядом с маленьким освежителем висят крошечные четки из темного дерева. Хава кивает Ранье, чтобы та садилась впереди, а сама устраивается сзади рядом с детьми. Ее это нисколько не удивляет: по чеченскому обычаю жена не садится рядом с мужем на переднее сиденье, тем более при родственниках.

Стоит им выехать с парковки, как город распахивается за окном. По широкой шестиполосной трассе несутся машины, а вдоль дороги тянутся высокие пальмы. Ранья смотрит на это все, боясь моргнуть, словно город может исчезнуть, если она хоть на секунду отведет взгляд. Небо из оранжевого постепенно становится фиолетовым, и справа, за домами и кранами порта, в бухте виднеется что-то огромное и серое. Она не сразу понимает, что это корабль, длинный, как целая улица, с плоской палубой.

— Это авианосец, — небрежно поясняет Мансур. — Их тут много. Дада говорит, у нас город моряков.

Он произносит это таким тоном, будто сам каждый день командует кораблями, и Ранья прячет улыбку, чтобы его не обидеть.

— А вон тот мост ведет на Коронадо, — добавляет Седа, кивая на высокую дугу, перекинутую через залив. — Там очень красивый пляж, с блестящим песком.

— Как-нибудь съездим, — спокойно говорит Хасан, не отрывая глаз от дороги.

Мансур радостно подпрыгивает на сиденье, и Хава, качая головой, все же улыбается.

Вскоре трасса уходит в сторону от океана, и за окном тянутся тихие улицы с похожими друг на друга светлыми домами, ровными газонами и почтовыми ящиками у дороги. В окнах

один за другим загораются огни, и чем дальше они едут, тем сильнее Ранья чувствует, как радость понемногу смешивается с тоской. Где-то очень далеко, за всем этим, остались ее дом, горы, мама, запах дыма из соседних дворов и город, где она училась, и сейчас все это кажется таким далеким, будто осталось в другой жизни. Она сжимает пальцы на коленях и напоминает себе, что сама этого хотела, что это всего лишь год и что мама будет ждать ее звонка.

Наконец машина сворачивает к одному из домов и останавливается.

Дом у дяди двухэтажный, со светлыми оштукатуренными стенами и низкой черепичной крышей, с гаражом сбоку и небольшим газоном. Он такой же аккуратный и ухоженный, как и соседние дома, но Ранье он сразу кажется уютным. У крыльца растет куст с яркими розовыми цветами, каких она раньше никогда не видела.

— Бугенвиллея, — мимоходом бросает Хава, заметив ее взгляд. — Тут она везде растет.

Они заходят внутрь и разуваются у порога, и Ранья проходит в дом, с любопытством оглядываясь по сторонам. Внутри просторно и светло, гостиная плавно переходит в кухню, где гудит большой американский холодильник, а наверх, к спальням, ведет деревянная лестница.

— Пошли, я тебе все покажу! — Седа, впервые за весь день по-настоящему оживившись, берет ее за руку и тянет за собой.

Мансур тут же с топотом несется следом, обгоняя их на ступеньках и громко объявляя, где чья комната, как настоящий экскурсовод.

Сначала все совершают намаз, а потом собираются за столом на кухне. На ужин Хава подает жижиг-галнаш: и мясо, и галнаш она приготовила и заморозила еще перед поездкой, так что сейчас оставалось только все разогреть и сварить. Над тарелками поднимается пар, и от этого знакомого запаха чеснока и бульона у Раньи вдруг теплеет внутри, и кажется, что она и не улетала из дома так далеко.

Мансур болтает без остановки, рассказывая про школу и про своего друга-мексиканца Диего, по которому он соскучился за лето. Седа ест молча и все время тянется к телефону, пока Хава не забирает его у нее. Хасан ест неторопливо и почти не говорит, но каждый раз, когда тарелка Раньи пустеет, он молча подкладывает ей еще мяса, и она понимает, что отказываться бесполезно.

После ужина Ранья поднимается в свою комнату в конце коридора, которую Седа с Мансуром успели показать. Комната небольшая, с узкой кроватью, белым шкафом и окном на задний двор, где растет настоящее лимонное дерево. Свет из окна кухни падает на его ветки, и в этом свете видно, как среди темных листьев желтеют лимоны, прямо как на картинке.

Ранья садится на край кровати и набирает маму по видеосвязи. В Сан-Диего девятый час вечера, а в Грозном уже утро, и мама отвечает почти сразу.

— Ранья! Как вы там? Как долетели? Как тебе Америка?

— Все хорошо, мам, долетели хорошо, дядя нас встретил. Только что поужинали, и я поднялась к себе. Все передавали тебе привет, — отвечает Ранья, широко улыбаясь, и сама чувствует, как от маминого голоса у нее щиплет в носу. — Здесь все такое другое… Смотри.

Она медленно ведет телефоном по стенам, по шкафу, по окну и останавливается на освещенных ветках за стеклом.

— Лимоны прямо во дворе растут, мам!

Они говорят еще долго, пока у мамы за спиной не начинает свистеть чайник.

Ранья долго не может уснуть. Тело устало до последней косточки, но голова никак не отключается, а звуки здесь совсем другие: нет той глубокой тишины, которая бывает только в горах, и далекого лая собак из соседних дворов. Вместо этого где-то вдалеке гудит трасса, и время от времени низко над домами пролетает самолет, мигая огнями. В приоткрытое окно тянет теплым ночным воздухом и едва уловимым запахом лимона.

Ранья смотрит в потолок и думает о том, что впереди целый учебный год в чужой стране, на чужом языке. Ей страшно, но она приехала сюда учиться и не собирается никому этого

показывать. Она поворачивается на бок, лицом к окну, и шепотом читает дуа, пока сон наконец не забирает ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.